

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Дементьев В.В.
Саратов, Россия

Dementyev V.V.
Saratov, Russia

РУССКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ
И КОММУНИКАТИВНЫЕ ЦЕННОСТИ
У А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

RUSSIAN CULTURAL
AND COMMUNICATIVE VALUES IN THE
WORKS BY ALEXANDER SOLZHENITSYN

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

ГЧТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.01

Аннотация. В статье рассматриваются базовые русские национальные культурные ценности в творчестве А.И. Солженицына на материале трех его произведений: исторической эпопеи «Красное Колесо», в которой исторические события осмысливаются через призму нравственно-оценочной оппозиции «народного – революционного», и мемуаров «Бодался теленок с дубом» и «Угодило зернышко промеж двух жерновов», в которых личность самого Солженицына, его поступки и отношения с людьми объясняются через ту же нравственно-оценочную оппозицию.

Abstract. This article discusses the basic Russian national cultural values in the works by Alexander Solzhenitsyn on the material of three of his works: the historical epic “The Red Wheel”, in which historical events are comprehended through the prism of the “national – revolutionary” moral-evaluative opposition, and memoirs “The Oak and the Calf” and “Landed Grain Between Two Millstones”, in which the personality of Solzhenitsyn, his actions and relationships with people are explained through the same moral-evaluative opposition.

Ключевые слова: А.И. Солженицын, русские культурные ценности, оппозиция «народного – революционного».

Key words: Alexander Solzhenitsyn, Russian cultural values, the “national – revolutionary” opposition.

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

About the author: Dementyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Место работы: Саратовский государственный университет.

Place of employment: Saratov State University.

Контактная информация: E-mail: dementevvv@yandex.ru.

Постановка проблемы. При рассмотрении ценностных ориентиров в коммуникации, изображенной в произведениях Солженицына (Мы используем принятые в солженицыноведении обозначения для произведений А.И. Солженицына: КП – «В круге первом», РК – «Раковый корпус», БТД – «Бодался теленок с дубом», УЗ – «Угодило зернышко промеж двух жерновов», Об – «Образованщина»; для Узлов тетралогии «Красное Колесо»: А14 – «Август Четырнадцатого», О16 – «Октябрь Шестнадцатого», М17 – «Март Семнадцатого», А17 – «Апрель Семнадцатого»), обращает на себя внимание отличие реконструируемой картины от таких картин у других писателей [см. напр.: Степанов 2005], а также картин, реконструируемых на материале русской общезыковой паремологии, лексики и идиоматики.

личные ситуации общения, типы языковых личностей, жанры общения, представляют собой доброкачественный материал для изучения целого ряда аспектов русской коммуникации, в том числе коммуникативных ценностей.

Во-первых, в художественных произведениях Солженицына в целом как будто бы меньше внимания уделяется коммуникативным ценностям, чем таким общественным идеям, как обличение лжи и злодеяний революции и воспевание русской национальной культуры, традиций, характера.

Наш анализ осуществлялся в соответствии с единой методикой, разработанной в [Дементьев, Фенина 2005], которая обуславливала выбор материала: **лексика**, прежде всего оценочная, использованная писателем для именования коммуникативных единиц (включая их компоненты и отношения) и констатирующих факторов (ситуация, участники общения, типы языковых личностей и коммуникативной компетенции); **текстовая** репрезентация коммуникативных типов и варьирования (прежде всего в репликах персонажей, а также в рефлексивах, содержащихся в авторской речи и несобственно-авторской речи).

Во-вторых, здесь гораздо менее явно, чем у других писателей, проявляется важная для русской общезыковой картины мира категория русской **персональности**, оппозиция [Р] ~ [-Р].

Мы опираемся на достижения коллоквиалистики, дискурсивного и конверсационного анализа и теории речевых жанров [Leech 1983; PPP 1973; 1983; Карасик 2002; Жанры речи 1997-2009], при этом для нас имеет особое значение теоретическая и практическая проблема изучения разговорной речи на материале художественного диалога. В частности, принципиальным является положение о преимущественной доле стилизации и незначительной – типизации разговорной речи в художественном диалоге [Кожевникова 1970; Полищук, Сиротина 1979]. При анализе художественного диалога

Мы исходим из того, что отображенные в русской художественной литературе коммуникативные факторы, включая типичные и нети-

мы оперируем понятием жанрово-ролевой сценки – отображенные в художественных произведениях и фольклоре четко жанрово определенные ситуации общения, которыми, в идеале, следует заполнить всё речевое пространство [Дементьев 2010а]. При реконструкции индивидуальных картин коммуникативной компетенции у писателей нами используются принципы речевого портретирования, разрабатываемые в [Седов 1999].

Русская персональность существует в русской коммуникации, речи и языке в виде глобальной оценочной шкалы (как редуцированный вариант – оппозиции), охватывающей собой многие явления русской коммуникации, речи, языка. Данная шкала / оппозиция в общих чертах может быть охарактеризована как противопоставление (в восприятии мира, человеческих взаимоотношениях, коммуникации, языке) начала в целом персонального, личностного и межличностного – и начала социального, неличностного (официального, ритуального). Если назвать условно коннотативный компонент, содержащийся в левом члене оппозиции, Р (personal), то наличие Р, [Р] представляет собой норму и нейтрально с точки зрения оценки, а отсутствие Р, [-Р] оценивается отрицательно. Оппозиция [Р] ~ [-Р] рассматривалась нами [Дементьев 2007].

У Солженицына как будто бы снимаются многие значимые противопоставления внутри общекультурной русской картины (в том числе коммуникативной), такие как тема «дружеского искреннего круга» и «светского круга» (ср. у Пушкина). В частности, «светское» почти не противопоставлено «задушевному» в «Красном Колесе».

В то же время, по нашему мнению, категория русской персональности, оппозиция [Р] ~ [-Р] – причем именно в том ценностно-культурном значении, какое она имеет в русской общезыковой и общекультурной картине мира, – присутствует в картине мира А.И. Солженицына, более того – является очень важной для пафоса его творчества, общественной деятельности, хотя конкретное речевое выражение данной оппозиции у Солженицына отличается от общезыковой оппозиции [Р] ~ [-Р] и от оппозиций, реконструируемых у других русских писателей.

По нашему мнению, данную оппозицию у А.И. Солженицына можно адекватно определить только в контексте всего его творчества, и прежде всего – в контексте двух, на первый взгляд, почти не имеющих точки соприкосновения произведений – исторической эпопеи «**Красное Колесо**», в которой представлена наиболее полная и последовательная в творчестве Солженицына картина русской национальной (народной) культуры и ее ценностей, и мемуарных сочинений «**Бодался теленок с дубом**» и «**Угодило зернышко промеж двух жерновов**», в которых подробно описано поведение самого А.И. Солже-

ницына (точнее – личности Солженицына, предстающей в данных текстах: их жанровая принадлежность позволяет нам условно ставить знак равенства между образом автора-повествователя и личностью самого А.И. Солженицына, хотя данное решение и не бесспорно).

Именно в «Красном Колесе» наиболее четко, на наш взгляд, обозначена нравственно-оценочная культурная оппозиция «**народного ~ революционного**», по сути представляющая собой разновидность общекультурной оппозиции [Р] ~ [-Р] и являющаяся наиболее принципиальной для пафоса данного произведения, как и всего творчества Солженицына, определяющая видение Солженицыным и описываемых исторических событий, и русской истории и культуры в целом, и русской коммуникации и приоритетов и норм в ней, и собственной роли, *русской боли* и борьбы. В то же время в «Красном Колесе» данная культурная оппозиция имеет сравнительно немного коммуникативных проявлений.

В мемуарах же, для правильного понимания которых оппозиция «народного ~ революционного» является абсолютно необходимой, на первый план выходят многие собственно **коммуникативные** моменты: в данных текстах ярко и подробно описано коммуникативное поведение самого А.И. Солженицына и многих его товарищей, врагов и «просто» собеседников и приведены замечательно яркие и глубокие размышления писателя, касающиеся коммуникативных аспектов.

Следует отметить, что в современном солженициноведении [Лосев 2000; Слово пробивает себе дорогу 1998; Между двумя юбилеями 2005; Лакшин 2008; Виноградов http] в целом много внимания уделяется разным особенностям личности А.И. Солженицына. Характеристики, приписываемые ему разными авторами, которые по-разному оценивали личность и творчество писателя, часто отличались повышенной эмоциональностью, а иногда носили экстремальный и полярный характер. Среди авторов этих мнений – многие известные и, безусловно, достойные люди, которые были обижены поведением, отношением к ним Солженицына – то есть, собственно говоря, коммуникативными моментами.

В то же время практически никогда, насколько нам известно, произведения А.И. Солженицына не анализировались с позиций коммуникативной лингвистики, а личность А.И. Солженицына не становилась объектом систематического лингвоперсонологического анализа.

Оппозиция «народного ~ революционного» в «Красном Колесе» А.И. Солженицына. Русский общенациональный концепт *народ* относится к выраженным ценностно-ориентированным концептам (о типах концептов см.: [Карасик 2002; Антология концептов 2005-2008]). В эпопее А.И. Солженицына «Красное Колесо»

данный концепт сохраняет эту типологическую особенность.

В настоящей статье концепт *народ* в «Красном Колесе» анализируется нами, главным образом, через систему русских культурных ценностей, находящихся выражение в описании поведения персонажей и авторской (в том числе несобственно-авторской) речи. Оценочные измерения имеют преимущественно оппозитивную или шкальную природу [Арутюнова 1998], поэтому описание ценностно-ориентированных концептов удобно осуществлять по оппозитивной модели.

Оппозиции «*народ ~ революция*» и «*народ ~ толпа*» в «Красном Колесе» связаны с важными для русского языка и культуры содержательными категориями. Названные оппозиции активно использовались советскими идеологами для создания мифологической («партийной») картины революции и русского народа в начале XX в. Эти же оппозиции используются Солженицыным для разоблачения официальной лжи о революции (и, возможно, для создания новой концептосферы – «солженицынского русского народа», «солженицынской революции»).

Предлагаемая нами модель описания концепта *народ* в «Красном Колесе», естественно, не полна. Нами были выделены некоторые компоненты, которые, как нам кажется, представляли особый интерес для А.И. Солженицына и активно использовались им, что было связано с целями, которые ставил перед собой писатель, общим пафосом произведения.

К важнейшим, с нашей точки зрения, оппозициям, формирующим содержание общенационального концепта *народ* в русском языке (для трех периодов: русского языка позднесоветского периода, когда писалось «Красное Колесо», русского языка начала XX века, к которому относится повествование, и современного русского языка) и культуре и переосмысливаемые (незначительно или значительно) в эпоху «Красное Колесо», относится, прежде всего, оппозиция «*народ ~ власть*», которая является универсальной или почти универсальной [Невинская 2006; Язык и власть 2003]. Не менее важной, чем «*народ ~ власть*», является оппозиция «*народ ~ интеллигенция*». Судя по всему, данная оппозиция четко оформляется в русской культуре приблизительно к Серебряному веку или несколько раньше. Оппозиции «*народ ~ интеллигенция*» посвящали исследования, статьи, эссе многие философы, критики, писатели, начиная со статьи А.С. Блока «Народ и интеллигенция» (1908) и сборника «Вехи» (1909) – см. обзоры в: [Глебкин 2002; Интеллигенция – власть – народ 1992; Степанов 1997; Тулаев 1990]. По-видимому, именно эта оппозиция (точнее, постоянное взаимодействие оппозиций «*народ ~ интеллигенция*» и «*народ ~ власть*») в наибольшей степени определяет своеобразие русского концепта *народ*.

Об этой второй оппозиции (в СССР) А.И. Солженицын говорит в БТД: «в нашей стране ... произнеси похвально слово «народ» – и уже это воспринимается как «бей интеллигенцию!» (увы, образованщину на 80%, а из кого *народ* состоит – и вовсе неведомо...), произнеси похвально «деревня» – значит угроза городу, «земля» – значит упрёк «асфальту».

Немного позже этой проблеме Солженицын посвятит большую статью Об (1974), в которой, сравнивая современную ему «советскую интеллигенцию» с дореволюционной (описанной в сборнике «Вехи»), подчеркивает: объединение людей в группу только по социальному, профессиональному признаку или по признаку наличия образования бессмысленно, нынешняя «интеллигенция» больше, чем «народ», участвует в распространении и укреплении лжи, а следовательно, утратила право так называться. Именно на нравственной основе (образование может быть «приложено» после) и путем личных жертв может быть осуществлено настоящее единение, выделена новая элита.

Оппозиции типа «*народ ~ отщепенцы / инакомыслящие*», а также такие понятия, как «*воля народа*», «*клятва именем народа*», которыми любят оперировать авторитарные правители, принимающие непопулярные решения (в советском тоталитаризме к ним добавились «*враг народа*» и попытки отождествлений типа *народ = трудящиеся, народ и партия едины*), тоже, по-видимому, не являются специфическими для русского языка (и вряд ли являются по-настоящему важными для осмысления русского концепта *народ*), как и взгляд на *народ* через метафорическую оппозицию большой / маленький *народ ~ большие / маленькие* представители власти, вожди – данная оппозиция в целом тоже характерна для недемократического общества, как отмечают А.В. Будаев и А.П. Чудинов [Будаев, Чудинов 2008: 87; Чудинов 2006].

Наконец, как для русского общенационального концепта *народ*, так и для «солженицынского русского народа» являются важными оппозиции типа: «*народ ~ население*», «*народ ~ электорат*».

В этой связи следует вспомнить, что один из наиболее ненавистных самому Солженицыну персонажей РК аппаратчик Павел Русанов (а вместе с ним – тысячи представителей советской номенклатуры) оперирует оппозицией «*народ ~ население*»: *Русановы любили народ – свой великий народ, и служили этому народу, и готовы были жизнь отдать за народ. Но с годами они всё больше терпеть не могли – населения. Этого строптивого, вечно уклоняющегося, упирающегося да ещё чего-то требующего себе населения.*

Русановская оппозиция «*народ ~ население*», первый член которой принадлежал идеологии и терминологии официальных докладов и правдинских передовиц, второй – неофициальной, обыкновенной жизни «простых людей», входит в содержательную и оценочную оппози-

цию [P] ~ [-P], существовавшую в русском языке и культуре как сталинской эпохи, так и в другие периоды XX века (несомненно, и ранее).

Можно добавить, что «новая» лексическая оппозиция «*электорат ~ народ*», актуальная для современного российского политического дискурса, представляет ту же оппозицию [P] ~ [-P], что «*народ ~ население*», хотя место члена *народ* в ней изменилось.

В позднесоветскую эпоху, когда писалось «Красное Колесо», русское слово *народ* с его богатейшим коннотативным шлейфом все еще чрезвычайно активно эксплуатировалось коммунистической идеологией – естественно, такую особенность восприятия современного ему читателя Солженицын также должен был учитывать – ср.:

Года до 33-го за дуновение русского (сиречь тогда «белогвардейского», а ругательно на мужиков – «русопятского») чувства казнили, травили, ссылали (вспомним хотя бы донесительские статьи О. Бескина против Клюева и Клычкова). Исполвиль чувство это разрешили, но – красно-перемазанным, в пеленах кумача и с непрременным тавром жгуечега атеизма (БТД).

Как уже было сказано, ценностно-ориентированный концепт *народ* рассматривается нами, прежде всего, через **русские национально-культурные ценности**, которые осмысляются в «Красном Колесе» как средоточие многовековой, прежде всего православной, мудрости, нравственности, а также красоты и поэзии – быта, обычаев, общения, языка, которые вступали в неразрешимый конфликт с революционными интернационально-антинациональными ценностями, главная из которых – *нравственно все, что идет на пользу революции*.

Русские ценности в эпопее А.И. Солженицына (выражаемые, прежде всего, в разговорах, спорах, внешних и внутренних монологах героев, а также более опосредованно – через общие поведенческие стратегии, жизненные линии) делятся на 1) принадлежащие крестьянам, 2) передовому образованному слою – офицерам, ученым, инженерам, писателям, а также некоторым представителям высшего света и духовенства.

Между этими двумя «правдами» у Солженицына нет антагонистического противоречия – всё это честные люди, любящие Россию, стремящиеся служить ей. Важно, что эти люди способны *понять* друг друга: офицеры Воротынцев и Саня Лаженицын, инженер Дмитриев находят общий язык с многими «людьми из народа»: солдатами, офицерами – тоже вчерашними солдатами, рабочими (Благодаревым, Чернегой, Гвоздевым).

Люди же честные и бесчестные никогда не смогут договориться: так, не могут найти общего языка Воротынцев с генералами из штаба после Самсоновской катастрофы, Столыпин – с думскими депутатами, старый Томчак (разбогатевший крестьянин, который в годы войны, несмот-

ря на убытки, очень много сделал для обеспечения Действующей армии товарами и продовольствием) – со своим «испорченным» сыном.

Тем заметнее на этом фоне, что революционеры подменяют «правду» партийной этикой, что показано в споре Воротынцева и Лепартовича:

– *Партийные разногласия, прапорщик, это рябь на воде.*

– *<...> А какие ж разногласия существенны тогда?*

– *Между порядочностью и непорядочностью, прапорщик (А14).*

«Народной правде», то есть системе русских национально-культурных ценностей, противостоят социалистические ценности: всё, что не идет непосредственно на пользу революции, включая Правду, веру в Бога, любовь, доброту, долг, патриотизм, чистую совесть и внутреннее достоинство, а также добрые межличностные отношения и честное душевное общение, отходит на второй план либо вовсе отменяется.

От этой же максимы производны **коммунистические** ценности революционеров: их разговоры основаны на лжи, ненависти, тактических увертках, полны подозрительности и презрения к собеседнику, здесь мгновенно разрываются отношения из-за малейших разногласий:

На всю жизнь усвоил Ленин: никому никогда не верить, ни к кому никогда ни мазка сентиментальности (О16).

Ленин открыто ненавидит Россию и русскую народную культуру:

И что ж можно вымесить из российского кислого теста! И зачем он родился в этой роковой стране?! Четвертушкой ли крови он связан так, что привязала судьба к дрянной российской колымаге? Четвертушкой крови, но ни характером, ни волей, ни склонностями нисколько он не состоял в родне с этой разляпистой, растяпистой, вечно пьяной страной. Ничего не знал Ленин противнее русского амикошонства, этих трактирных слез раскаяния, этих рыданий якобы загубленных натур. <...> Да не хуже, чем этим полутатарским языком, он овладел бы и тремя европейскими, потрудясь больше (О16).

Именно глобальное противопоставление «народного ~ революционного» в эпопее Солженицына в значительной степени заменяет традиционную для русской культуры и языка (см.: [Дементьев 2010b]) оппозицию «задушевного ~ светского».

Отрицательные качества, приписываемые светской культуре через призму народности, – фальшь, антинародность, холодность и даже «мода» – теперь прямо (и в гораздо большей степени: светская культура, в отличие от революционной, все же знала преимущество по отношению к главным, пусть весьма непоследовательно отобранным, лучшим достижениям мировой культуры) выражаются Революцией, вступая с народными ценностями в непримирим-

мое противоречие. Задушевность совершенно чужда вождям революционеров. Это и не может быть иначе, поскольку им необходимо постоянно *скрывать* от собеседника (как массового, так и индивидуального) свою сверхзадачу.

Следует отметить, что на фоне разворачивающихся грозных событий «светский фон» показан иногда даже вполне симпатичным (возможно, тоже как часть культуры уходящей России): таким «светским», с навсегда привитыми привычками внешней сдержанности, вежливости, приветливости, предстает в эпопее Николай II. В семье Смысловских, куда приходят после ссоры Воротынцев с женой Алиной, отношения строятся, с одной стороны, на любви и взаимопонимании, с другой – заполнены вполне «светскими» занятиями, развлечениями. Важная часть их совместного времяпрепровождения – изящное музицирование, при этом, как говорит после вечера Алине Воротынцев, в этих занятиях особенно подкупает легкость, непринужденность, самоирония, которые были свойственны поведению «светского человека».

Впрочем, Солженицын показывает и губительную роль *светской* (тоже антинародной) культуры: это царское правительство – косное и немощное, сановные старцы, думающие только о своих креслах. Изображение такой «светской» власти в М17 выльется в масштабный приговор всей двухвековой «Петербургской империи»:

Так заканчивался двухсотлетний отечественный процесс, по которому всю Россию начал выражать город, насильственно построенный петровскою палкой и итальянскими архитекторами на северных болотах, НА БОЛОТЕ, ГДЕ ХЛЕБА НЕ МОЛОТЯТ, А БЕЛЕЕ НАШЕГО ЕДЯТ, а сам этот город выражался уже и не мыслителями с полок сумрачной Публичной библиотеки, уже и не быстрословыми депутатами Государственной Думы, но – уличными забияками, бьющими магазинные стёкла оттого, что к этому болоту не успели подвезти взаваль хлеба.

Именно такова логика «Красного Колеса»: Колесо (=революцию – см.: [Шешунова 1999]) раскачали с двух сторон сановники («правые») – и «левые» (где не менее, чем собственно революционеры, антинародны, равнодушны, лживы, корыстны и безответственны все думские «крикуны» – кадеты, либералы).

В целом же критическое изображение светского общества и общения не становится для автора важной задачей, поскольку вырождающееся дворянство, как однозначно явствует из эпопеи, не может принять настоящего участия в развернувшейся борьбе: ни ослабить натиск революционных сил, ни предложить конструктивных мер спасения.

Зато очень много внимания уделяется русским **крестьянам**, соответственно русским народным (крестьянским) национально-культурным ценностям – ср. образы отца и сына Богдаревых, старого Томчака, в поведении и всей жизни которых постоянно подчеркивается

линия Правды, показывается, какие «отступления от Правды» в общей жизненной позиции, биографии человека могут вызвать недоверие («*В которой посудине дёготь бывал – уже и огнём не выжжешь*») (О16)).

В целом складывается впечатление, что крестьянские ценности не только ближе к Правде, но и устойчивее, чем у пролетариата, который легче обмануть. Так, оплели паутиной лжи честного рабочего Козьму Гвоздева, избранного в Рабочую группу при правительстве, два «секретаря», революционных демагога – Гутовский и Пумпянский.

Но больше всего девальвируются народные ценности в **толпе**.

У *толпы*, в изображении А.С. Солженицына, отсутствуют представления даже о базовых ценностях: быть честным, справедливым, помнить об интересах товарища. Все это логично оборачивается отсутствием какой бы то ни было ценности человеческой личности, самой человеческой жизни. Как видим, оппозиция «народ ~ толпа» в этом отношении оказывается достаточно близка ключевой для автора оппозиции «народного ~ революционного». Солженицын разоблачает официальную ложь о революции, состоящую в том, что социалистическая революция тщательно, с чувством любви и сострадания к угнетенным трудящимся готовилась высоконравственными теоретиками-марксистами – революция, по Солженицыну, есть только «*бунт бессмысленный и беспощадный*», она совершается *толпой*, которая не знает ни закона, ни нравственности, ни жалости, ни созидания. Величайшая мечта Ленина, как и всех революционных вождей, – «*пусть все случится само, а он придет на готовое*»:

А Ленин ждал – чтобы случилось что-нибудь. Чтобы какая-нибудь попутная материальная волна перекинула бы его челночок – в уже сделанное (О16).

В эпопее находим целый ряд размышлений Солженицына о толпе и ее роли в революции:

В толпе человек перестаёт быть самим собой, и каждый перестаёт думать трезво. Чувства, крики, жесты – перенимаются, повторяются как огонь. Кажется: толпа никому не подчиняется? – а легко идёт за вожаком. Но и сам вожак вне себя и может не сознавать себя вожаком, а держится – на одном порыве, две минуты, и растворяется вослед, уже никто. Лишь уголовник, лишь природный убийца, лишь заряженный мстью – ведёт устойчиво, это – его стихия! (М17).

Как будто с известного антропологического, психологического, национального, сословного типа – сдёрнули верхнюю кожу, и у всех сразу проступила жестокость.

И – жутко становилось, будто ты попал не в свой народ и на другую планету, и здесь можно ждать всего (М17).

Нечеловеческая (часто совершенно бессмысленная) **жестокость** толпы, кощунства, которые вершатся «именем революции»:

Схватывали их, одного по пятеро, тут же по морде били для начала, но – лишь для начала. А потом с руками извёрнутыми, выломанными – да вытаскивали их наружу, где простор для боя легче. Одни кричали, ругались, другие стонали, третьи просили.

Нет уж, у нас теперь не упросишься! Нет уж, дорвались! Много вы над нами поцарствовали, а теперь мы над вами!

– Братики!.. Ради Бога!.. Дети остаются...

Бей, кромсай их в мясо, не слушай! Ишь ты, дети! Добивай, чем схватил – палками, прикладами, штыками, камнями, сапогами в ухо, головы в мостовую, кости ломай, топчи их да втаптывай, да поплясывай!

Ещё от кого последнее:

– Бра-атики...

А как нас хватали – тогда не братики были? Эй, кто своих добил, дохрипел – иди нам помогай, доплясывай! (M17).

По Театральной площади две образины тянули маленькие санки, и к ним привязанный труп городского на спине. Из встречных останавливались и со смехом спрашивали, как «фараон» был убит. А двое мальчишек лет по 14 бежали сзади и старались всадить убитому папиросу в рот.

Трупы убитых городских сбрасывали и в помойные ямы (M17).

В то же время, как показывает Солженицын, толпу иногда можно переубедить, если удастся найти какой-нибудь эффектный аргумент: заставить принять неожиданно нравственное, милосердное решение, отказаться от казни, более того – заставить искренне полюбить того, кого минуту назад были готовы растерзать:

Нет, уже не остановить:

– Отойди! – кричат озлобленные красные повязки. – Не ваше дело! Отойди, и вас зацепим!

Но солдаты мешали собой. А один крикнул:

– Калеку бьёте, герои тыловые!

И вот это – дрогнуло по кругу:

– Где калека?

– А вот! – показали на Всеволода Некрасова. – Вот! – и на ногу его.

Отдав винтовку, один из рабочих подошёл и стал щупать ногу Всеволода через брюки, ниже, ниже. Крикнул как о манекене:

– Верно! Нога деревянная!

И – застывший чёрный резкий полукруг как размылся, зашевелился, распался:

– Кале-ека...

– Ногу-то отдал...

– Чуть-чуть ошибка не вышла, ишь ты...

Да ещё ж оставалось, кого расстреливать, – стоял высокий открытый штабс-капитан и молоденький маленький прапорщик, – нет, теперь и они были помилованы за ту ногу. Рассыпался полукруг – и подошли как виноватые, подошли как бы уже друзья:

– Да шинелки-то есть у вас? Вы ж обмёрзнете.

– Поди, им шинелки принеси.

– Там – раненый у нас унтер, – сказал Сергей.

– Сейчас мы его в лазарет! – это солдаты-выручатели. Но совсем незнакомые лица, не узнавали их братья.

– Да вы покурите, – сожаловала теперь толпа.

– Да садитесь поешьте, самовар ваш стынет (M17).

Отдельные люди из толпы случайно становятся лидерами, выкрикивают лозунги и руководства к действиям. Обычно такие призывы содержат мгновенно воспринимаемый образ конкретного врага (но, как видим, может быть и наоборот). Автор подчеркивает: лозунги лидеров делает наиболее действенными не любовь к народу, не «правда» и даже не «передовая теория», а крик, воздействие на простейшие инстинкты толпы.

Складывается впечатление, что вожди революции тем удачливее, чем безнравственнее. Многое здесь становится ясно, если сравнить поведение думца Керенского, меньшевика Гиммера и Ленина: первый – ничтожный «крикун» (хотя по-своему искренний), только в этом качестве он побеждает своих гораздо более умных и значительных товарищей по Думе во время революции:

И только что не разрывая на груди присидевшуюся однозкемпляную куртку:

– Я вас прошу: или исключить меня из своей среды – (из солдатской) – или безусловно мне доверять!

Сразу же – буря аплодисментов и полнейшее солдатское доверие (A17).

Солженицын подчеркивает, что Керенский восхищен и очарован революционными толпами, которыми он до поры до времени может управлять, планы же на будущее имеет самые неопределенные, как и все левые думцы.

Меньшевик Гиммер – хитрый прагматик, вынашивающий многоходовые комбинации. Солженицын подробно показывает, что думает, говорит и делает (как правило, вещи эти очень сильно расходятся) Гиммер:

Конечно, не выбрасывать открыто антивоенных лозунгов. Мы их пока молчаливо припрятали, и это совершенно верно: пока царизм ещё не побеждён окончательно, пока революционная власть ещё не освоилась и не укрепилась – нельзя нам допускать раскола с цензовыми кругами. Напротив, мы по-прежнему должны подталкивать буржуазию углублять и закреплять революцию (M17).

Гиммер лучше, чем Керенский, понимает природу революции и не строит иллюзий относительно Торжества Справедливости. В то же время, как ни странно, он верен определенным этическим представлениям – этике своей партии. Его цель (о ней он не говорит прямо ни со своими противниками, ни с «простыми исполни-

телями») – приход партии к власти, внутренне единое, но коллективное партийное правительство.

Но и Гиммер в конце концов оказывается сметен самым бессердечным, самым жестоким и беспринципным из вождей – Лениным, чьи ложь и цинизм просто не знают границ:

Надо так же демонстративно порвать с Гриммом <...> Да просто – звонко порвать! Да чтоб всю вину на него же и свалить! (М17).

Да отмываться всегда трудней, чем плюнуть. Надо уметь быстро и в нужный момент плюнуть первым (М17).

Для Ленина, по сути, не существует никакой этики, он манипулирует и даже жертвует своими товарищами по партии с такой же легкостью, как политическими противниками. Цель революции для него – уже не власть для своей партии, а власть лично для себя. Этими планами Ленин не делится ни с кем.

Итак, в эпоху «Красное Колесо» и толпа, и сообщество революционеров с их «передовыми» идеями включаются в базовую для всего произведения (и для всего творчества А.И. Солженицына) нравственно-оценочную оппозицию «народного ~ революционного», которая соотносится с другими содержательными (прежде всего нравственно-оценочными) оппозициями, значимыми для русской культуры и языка XIX, начала XX и середины-конца XX веков.

Коммуникативные ценности А.И. Солженицына в его мемуарах. Повторяем, оппозиция [Р] ~ [-Р], понимаемая как нравственно-оценочная оппозиция «народного ~ революционного», присутствует и в мемуарах Солженицына «Бодался телёнок с дубом» и «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов», хотя более отчетливо данная оппозиция прочитывается в контексте всего творчества (и самой жизни) Солженицына.

В мемуарах Солженицына, как и в «Красном Колесе», почти нет выраженного противопоставления «задушевного» и «светского», хотя ряд высказываний Солженицына раскрывает другой коммуникативно-речевой аспект оппозиции [Р] ~ [-Р] – канцеляритоподобные явления и их место в русском языке:

Народная речь – питание поэзии. (На том стою и я.) Молодого человека нашей страны облепляют: выхолощенный язык, опустошающий мысль и чувство; телевизионная суэта; беготня кинофильмов. (И – спорт. И – партпрос.)

... более всех испортили русский язык социалисты в своих неряшливых брошюрах и особенно – Ленин.

Анализируя место А.И. Солженицына в отечественной литературе, роль, которую его творчество и сама жизнь сыграли в развитии общественного сознания, системы литературных жанров и языка, необходимо отметить, что все творчество А.И. Солженицына посвящено Сверхзадаче, которую Солженицын понимал

как написание всей *правды* о трагической русской истории XX века, воспевание русской национальной культуры, истории и русского характера. В этом Солженицын (как и Пушкин) видел свой долг и предназначение; с этим критерием он неизменно сверял свою этику и «правду», каждый конкретный жизненный шаг (в том числе – коммуникативное поведение), а также жизненные позиции, «правду» и поведение всех остальных людей. От этой максимы производны все более частные ценности Солженицына, в том числе – система поддающихся реконструкции коммуникативных ценностей. Прежде всего, Солженицын никому не прощал измены этому высокому Служению и – прощал себе и другим отдельные поступки, которые могли противоречить общепринятой (общекультурной и общеязыковой) системе ценностей, если они были продиктованы необходимостью Служения.

Как автор мемуаров, Солженицын не мог не видеть, что его собственное поведение во многом противоречит той самой картине (включая коммуникативные ценности), которую он рисует в своих художественных произведениях. Повторяем, нами только отчасти реконструируется картина коммуникативной компетенции и коммуникативных ценностей, например, на материале психологических романов Солженицына КП, РК. Лучшие образцы коммуникации, избранные Солженицыным, во многом сопоставимы с такими образцами, картинами коммуникативных ценностей у других писателей (Толстого, Достоевского) и доказывают, как высоко он ставит, любит тип честного, простодушного, обаятельного собеседника, рассказчика, слушателя (Зубовы, Вега из РК), причем представляют этот тип не только современники Солженицына (середина или конец XX в.), но и дореволюционные персонажи, реальные или вымышленные. Соответственно наиболее отвлеченные Солженицыну персонажи (Русинов из РК, Ленин и Парвус из КК, О16 и далее) полностью лишены всех этих качеств. Именно поэтому Солженицын объяснял себе и читателю, что его писательский долг, как он сам его видел и понимал, не позволял ему «отвлечься»:

Однако, я не умер (при моей безнадежно запущенной остро-злокачественной опухоли это было Божье чудо, я никак иначе не понимал. Вся возвращённая мне жизнь с тех пор – не моя в полном смысле, она имеет вложенную цель).

Так понимаемый долг обрекает Солженицына на исключительное самоограничение:

Безопасность приходилось усилить всем образом жизни, в Рязани, куда я недавно переехал, не иметь вовсе никаких знакомых, приятелей, не принимать дома гостей и не ходить в гости – потому что нельзя же никому объяснить, что ни в месяц, ни в год, ни на праздники, ни в отпуск у человека не бывает свободного часа; нельзя дать вырваться из квартиры ни атому

скрытому, нельзя впустить на миг ничьего внимательного взгляда <...> На работе среди сослуживцев никогда не проявлять широты интересов, но всегда выказывать свою чуждость литературе...

Об этом аскетизме Солженицына, подчинении всего отпущенного жизненного времени и сил одной Сверхзадаче (всё, что мешало ее выполнению или отвлекало от нее, безжалостно изгонялось из жизни, распорядка, поведения, коммуникации; в полной мере это касалось отношений Солженицына с людьми, даже ближайшими товарищами) писала Л.К. Чуковская («Процесс исключения»):

Долгая беседа (если только не о работе и не о том, что эту работу рождало) – это отдых, праздность, а Солженицын и праздность – две вещи несовместимые. Будто он в какую-то минуту – я не знаю за что и не знаю когда – сам приговорил себя к заключению в некий исправительно-трудовой лагерь строжайшего режима и неукоснительно следил, чтобы режим выполнялся. Он был сам для себя и каторжник и конвойный. Слежка его – за самим собою – была, пожалуй, неотступнее, чем та, какую вели за ним деятели КГБ. Урок рассчитан был на богатырские плечи, на пожизненную работу без выходных, а главным инструментом труда была полнота и защищенность одиночества. Вечная торопливость, которой на людях был обуян Солженицын (столь удивлявшая и сердившая его знакомых), была неистовой спешкой к средоточию и глубине: к выполнению урока.

В мемуарах Солженицына получают объяснение многие (хотя не все) моменты, неоднозначно, а иногда враждебно толкуемые разными комментаторами, объясняются поступки, которые многим казались просто бесчеловечными, например, отказ уступить террористам, когда писатель получал угрозы расправиться с детьми (*решение принято сверхчеловеческое: наши дети не дороже памяти замученных миллионов*) или периодические отказы прийти на встречу с редколлегией «Нового мира»:

...Твардовский уже четвёртый день меня ищет, рвёт и мечет – а где меня искать? <...> Не могу я каждый раз дёргаться, как только дёрнутся внешние условия. Вот поеду через три дня, переживёт Твардовский. Бесчеловечно к ним? – но они ко мне не заботливей: за эти годы на все их вызовы являться – я б и писателем перестал быть.

В мемуарах Солженицына находим большое число очень резких, крайних, категоричных оценок (в том числе коммуникативных) людей реальных, известных, чье (коммуникативное) поведение осмыслено и проанализировано Солженицыным с большой психологической глубиной, профессионально-писательским вниманием к слову, интонациям, жестам своих «персонажей». По сути, многие характеристики, которые Солженицын дает людям, представляют собой настоящее исследование в рамках коммуникативистики, а на материале их поло-

жительных и (гораздо чаще) отрицательных характеристик складывается очень интересный «коммуникативный кодекс Солженицына».

По понятным причинам нас, прежде всего, будут интересовать **нравственные** характеристики, которые А.И. Солженицын давал людям. Здесь, кажется, он выше всего ставит **русскую боль** – ее наличием или отсутствием практически полностью определяются отношение Солженицына к данному человеку, общий нравственно-этический портрет этого человека в мемуарах Солженицына, как и отдельные характеристики, из которых строится портрет.

Именно отсутствие *русской боли*, которое Солженицын постепенно обнаруживает у Сахарова, обуславливает в конечном счете разрыв, несмотря на самые лучшие другие нравственные характеристики Сахарова в мемуарах Солженицына:

...чудом было в советском государстве появление Андрея Дмитриевича Сахарова в соннице подкупной, продажной, беспринципной технической интеллигенции.

...этот человек, как князь Нехлюдов у Толстого, в какое-то утро почувствовал, а скорей – от рождения вечно чувствовал, что всё изобилие, в котором его топят, есть прах, а ищет душа правды.

...беззащитно побрёл Сахаров от сытой, мордатой, счастливой касты – к униженным и оскорблённым.

В современном солженицыноведении и сахароведении высказываются разные точки зрения на причины, почему разошлись два великих подвижника. В частности, некоторые исследователи их биографий утверждают, что инициатива разрыва исходила от Сахарова, который, с одной стороны, был принципиально не согласен с целым рядом идей Солженицына (в частности, изложенных в «Письме вождям», где шла речь об усилении влияния России в мире, приоритетности освоения русского Северовостока и неприоритетности права на эмиграцию), с другой – был обижен на Солженицына за несколько нелюбезных высказываний о его жене, Елене Боннер.

Но несомненно, что позиции этих людей во многом принципиально расходятся, и Солженицын видит во взглядах и позиции Сахарова опасную ошибку, о чем он прямо говорит в мемуарах:

По тому, как Сахаров преодолевает советский гнёт, как он протестовал против вторжения в Афганистан, можно лишь восхищаться его неуклонным спокойным бесстрашием. Однако на жизненном своём пути, развивая душевно и выстраивая всечеловеческие проекты, Сахаров dokonечно выполняет свой долг перед демократическим движением, перед “правами человека”, перед еврейской эмиграцией, перед Западом — но не перед смертельно больной Россией. Многих истинных русских проблем он не поднимает, не защищает так самозабвенно и горячо. Произнёс

и сам он один раз эту сакраментальную (но не его и не свойственную ему) мысль: "Народ без исторической памяти обречён на деградацию", — однако не применил её к народу русскому. Думая о будущем России, мы не смеем оставаться равнодушными к тому, что Сахаров нам вносит и что обещает. Он показывает на высоком уровне возможности русской совести — но будущее наше он рисует безнационально, в атрофии сыновнего чувства. От нашего тела рождён замечательный, светлый человек, но весь порыв своей жертвы и подвига он ставит на службу — не собственно родине. Как и для всех февралистов: Сахарову достаточно свободы — а Россия там где-то поблекла.

Неужели попросту: нет русской боли?..

Хотя — я не смею его обвинять в этом: освобожденческо-февральским воздухом у нас отравлены были многие-многие, и сам я на себе это испытал, еле выбрался, так затемнена истина. В Сахарове — доносящим ударом поражает нас "освобожденческая" доктрина XIX века.

Отметим, что сравнение с «февралистами» приобретает у Солженицына сакраментальный оттенок в контексте «Красного Колеса», где он возлагает на деятелей Февральской революции значительную часть вины за все то, что произошло с Россией после.

А.И. Солженицын высоко ставит в человеческом, нравственном отношении редактора «Нового мира» Твардовского — за честность, искренность, мужество, бескорыстную преданность литературному делу. Складывается впечатление, что Солженицын готов простить Твардовскому очень многое: вспышки ярости, иногда несправедливые решения — но не отсутствие русской боли, которым оборачивается в конечном счете искренняя вера в коммунизм и атеизм Твардовского:

Так и атеизм, очень необходимый для этого выступления, был своеобразным, искренним убеждением всей редколлегии «Н. Мира», включая, увы, Твардовского.

— Я зна-аю, — возбуждался он к спору и раскуривался, — вы ж — за церкви! за старину!.. (— Да не плохо бы и крестьянскому поэту тоже...)

Сюда же можно отнести, например, антирелигиозность, отсутствие интереса к Белому Движению, казачьей теме у Люши Чуковской.

Впрочем, несмотря на отсутствие Русской Боли (или ее непосредственных составляющих, таких как православие), все перечисленные люди (Сахаров, Твардовский, Люша Чуковская) предстают в мемуарах Солженицына в конечном счете в положительном свете, в отличие от настоящих врагов.

Кроме «русской боли», к нравственным достоинствам по А.И. Солженицыну относятся преимущественно общечеловеческие (и общехристианские) качества: честность, справедли-

вость, способность чувствовать чужую боль, мужество (особенно гражданское), отказ от личной выгоды. Несколько реже упоминается писательский / творческий талант (впрочем, очень многие люди, упоминаемые Солженицыным, были люди известные, талантливые либо занимающие высокое или заметное место в обществе именно в силу своего несомненного, «честного» таланта). По всей видимости, талант сам по себе не случайно реже отмечается Солженицыным, поскольку он полностью теряет цену, когда соединяется с какими-то (достаточно одного) из главных, совершенно, по Солженицыну, непростительных грехов.

Главным таким грехом, как явствует из всего творчества, всей деятельности, гражданской позиции Солженицына на протяжении всей его жизни, является **сознательное служение социалистическому строю, власти / идеологии** (а следовательно, **во вред России**). Солженицын называет и истинные причины, толкающие людей на такой путь: это различные формы **участия во лжи**.

Интересно, что, описывая своих врагов, Солженицын не допускает и мысли об их *искреннем* служении идеалам социализма: вся логика повествования А.И. Солженицына убеждает, что у этих «защитников» социализма могут быть только корыстные цели. Впрочем, если эти идеи кто-то разделяет *искренне*, без корыстных и властолюбивых соображений, — А.И. Солженицын готов это простить (как Твардовскому или Льву Копелеву); позиция же В.Я. Лакшина, с точки зрения А.И. Солженицына, совершенно иная — не борьба за Правду, Свободную Литературу и Русскую Идею, а приспособленчество, забота о «теплом» месте сначала секретаря и главного критика «Нового мира», потом (после разгона «Нового мира») — новой «обеспеченной» должности:

Это уже теперь не только наш журнал, но в каком-то смысле и т в о й — высшего положения нет и не будет для критика, пишущего по русски, а ты достиг его моложе пушкинского возраста, так будь же не по возрасту оглядчив, и именно для общего литературного дела береги этот журнал от слишком опрометчивых рядовых редакторов, которым лишь бы продвинуть материал, даже с антисоветским душком, послать в цензуру «на пробу», подвергая журнал смертельной опасности.

... расчёт на долголетний путь заставляет искать стабильности.

Уходящие члены редколлегии — не сопротивлялись, не боролись, оказали покорную сдачу, кроме Твардовского — и не пожертвовали ничем, шли на обеспеченные служебные места...

Солженицын подчеркивает, что участвовать во лжи человека может подтолкнуть честолюбие, уязвленное самолюбие (первая жена):

Всегда ли так насыщения требует уязвленное самолюбие, и тем большего, чем

больше зрителей? Когда самолюбие, наверно – всегда. Но – пойти и за тайной полицией?.. Не каждая.

или страх за себя:

Кстати, слышал я потом, что он (А.Г. Дементьев – В.Д.) происходил из богатой купеческой семьи; по возрасту должен был тот быт ещё захватить. Из опасений ли анкетных он так выпирал в ортодоксальность? Бывает. Ведь и Софронов кажется...

Сюда же Солженицын относит способность перешагнуть / замолчать несправедливость (эти качества А.И. Солженицын осуждает и в себе):

<...> на каждом жизненном шагу сталкиваясь с чванством, грубостью, дуростью и корыстью начальства всех ступеней и всех учреждений и иногда имея возможность меткой жалобой, решительным возражением что-то очистить или чего-то добиться – никогда себе этого не разрешать, не выделяться ни на плечо в сторону бунта, борьбы, быть образцовым советским гражданином, то есть всегда послушным любому помыканию, всегда довольным любой глупостью. <...> Это было очень нелегко! Как будто не кончилась ссылка, не кончился лагерь, как будто всё те же номера на мне, нисколько не поднята голова, нисколько не разогнута спина и каждый погон надо мною начальник. Всё негодование могло уkipеть только в очередную книгу, а этого тоже нельзя...

Я – смолчал. С этого мига – добавочный груз на моих плечах. О Венгрии – я был никто, чтобы крикнуть. О Чехословакии – смолчал. Тем постыдней, что за Чехословакию была у меня и особая личная ответственность: все признают, что у них **началось** с писательского съезда, а он – с моего письма, прочтённого Когоутом.

Складывается впечатление (прямо А.И. Солженицын об этом практически никогда не говорит), что **идеал** его отношений с людьми – совместная большая, самоотверженная работа (часто это означает просто помощь А.И. Солженицыну в его труде, борьбе) **для блага России**. Ближайшие люди – это соратники, единомышленники, которые все свое время и силы отдают этому великому совместному делу, не тратя его на удовольствия, в том числе – радости личного дружеского общения. Единомышленники **не** обсуждают свои межличностные отношения и жизненные позиции друг друга: нравственная позиция, «то, чего человек стоит», проверяется делом, и после такой проверки выяснение отношений – такая же недопустимая трата времени, как и фатическая беседа.

Это качество А.И. Солженицын ценил в первой жене (до разрыва):

Безопасность приходилось усилить всем образом жизни <...> – жена строго выдерживала этот режим, и я это очень ценил.

это же впоследствии – во второй:

...госбезопасности не повезло на мою вторую жену. Аля не только выдержала эту

атаку, но не упустила течения обязанностей. Шла работа, и семья жила, и малыши ещё не скоро поймут, что их младенчество было не совсем обычное.

Следствием этой установки на молчаливое взаимопонимание при интенсивной совместной работе становится еще одно весьма существенное отличие коммуникативного поведения и ориентиров в нем А.И. Солженицына от картины, реконструируемой у других писателей, как и общеязыковой картины, – **ненависть к праздным беседам**, каковая ненависть распространяется даже на продолжительные беседы с людьми близкими, тем более – неблизкими или чуждыми:

Время ценя, а зубоскальство застольное нисколько, я отклонял многие знакомства, в академических особенно был разочарован...

<...> разные знаменитости, вроде академика Капицы, вроде Шостаковича, ищут со мною встреч, приглашают к себе, ухаживают за мной, но мне даже и не почётна, а тошна эта салонная трескотня – неглубокая, ни к чему не ведущая, пустой перевод времени.

Искренняя (как складывается впечатление по текстам Солженицына) убежденность в единственной верности такого типа отношений с людьми, безусловно, помогала ему в его борьбе; в то же время именно она время от времени «подставляла» Солженицына под очень болезненные удары, к которым он, именно в силу этой убежденности, не был готов. Так, например, А.И. Солженицын испытал большую боль, когда оказалось, что не разделяет его общественные, национальные и религиозные взгляды Люша Чуковская.

Установка на отсутствие ценности праздноречевого общения, изгнание его из своей жизни приводит к тому, что в мемуарах А.И. Солженицына отображено очень мало положительной гармонизирующей фатики – зато много ситуаций, когда он уходит от такого общения (иногда на него за это обижаются, например Твардовский):

Теперь, после нашей великой победы, отчего было не посидеть за большим редакционным столом, попить чайку с бубликами, покалякать то о важном, то о пустяшном? «Все писатели так делают, например Симонов, – шутливо внушал мне А. Т., – прилично сядут, неторопливо покурят. Куда вы всё торопитесь?» А я туда торопился, что на пятом десятке лет ещё слишком много ненаписанного разрывало меня, и слишком стойко стояли глиняные, однако и железобетонные, ноги неправды.

Дружный внутренний порыв влѣк их обоих (Твардовского и Виктора Некрасова – В.Д.) в ресторан, а мне было легче околоть, чем переступить тот порог <...> и вырвались они от меня и пошли пить лимонад. Я проводил их как потерянных: такой у века темп, а им времени некуда девать.

Иногда Солженицын уходит от информативно-доверительного общения просто «по

инерции», хотя понимает, что был, возможно, не прав:

День по дню пождал я его (Твардовского – В.Д.) в редакции, созванивался с дачей, – наконец решено было 24-го ноября ехать мне в Пахру, и вызвался со мною Лакшин. Выехали мы утром в известинской чёрной «волге» ещё в лёгком пока снегопаде. Было у меня чтение в дорогу срочное, но не вышло, занимал меня спутник разговором. Это многим дико, а у меня инерция уже принятой работы и тянет обязательно доделывать по плану, хотя посылается единственный, может быть, случай – вот поговорить с Лакшиным, с которым никогда, почему-то, не выходило. Да при шофёре-стукаче какой и разговор? Много было пустого, а всё-таки на заднем сиденьи негромко рассказал он мне интересное...

В то же время, как ни странно, у А.И. Солженицына **мало и отрицательной фатики**: так, несмотря на большое число изображаемых в мемуарах «ударов», которые он наносит по своим врагам, – подчеркивается, что удары были продиктованы расчетом и соображениями целесообразности, а не искренними непосредственными эмоциями:

Он вот чего боялся, умелого сдержанного Лакшина призвал и с ним вместе готовился меня уговорить и настроить, чтоб я был сдержан там, чтоб не высказывал, не сшибался репликами, не взрывался от гнева – ведь заключают, ведь тогда я пропал, они же все опытные петухи.

Столько времени мы знакомы с А. Т. – и совсем друг друга не знаем!..

– Открою вам тайну, – сказал я им. – Я никогда не выйду из себя, это просто невозможно, в этом же лагерная школа. Я взорвусь – только по плану, если мы договоримся взорваться, на девятнадцатой минуте или – сколько раз в заседание. А нет – пожалуйста, нет.

Очень большая редкость – настоящая ссора. Солженицын описывает такую ситуацию с Твардовским, добавляя, что это был «Так, разговор», которым едва не закончились все наши отношения, но при этом подчеркивает, что таким этот разговор был со стороны и с точки зрения его собеседника, он же почти всё время сохранял спокойствие, контролировал ситуацию:

Всё же накал этого бранного разговора был так велик, что, раздражённый моим круговым несогласием и упрямством, А. Т. вскочил и гневно крикнул:

– Ему... в глаза, он – «божья роса»!

Я все время старался помнить, что он – заблудившийся бессильный человек. Но тут, теряя самообладание, ответил с гневом и я:

– Не оскорбляйте! От надзирателей я ведь слышал и погрубей!

Он развёл руками:

– Ну, если так...

Три сантиметра оставалось, чтобы мы поссорились лично. А это было совсем ни к

чему, это только затемняло важную картину раскола двух литератур. Но присутствующие предупредили взрыв, все его не хотели (кроме, думаю, Дементьева).

Мы кончили сухим рукопожатием.

Увы, борьба требовала скрытности, запрета на выражение чувств, о своих планах Солженицын не мог говорить заранее даже наиболее близким людям, даже в наиболее дружеском общении («прятки», по выражению самого Солженицына):

Прощался я от наперсного разговора, – а за голенищем-то нож, и показать никак нельзя, сразу всё порушится.

В отличие от многих других людей, изображенных в мемуарах Солженицына, в его отношениях с Твардовским отмечается много моментов, похожих на настоящую, с точки зрения самого Солженицына, близость, дружбу, сердечность – и подробно анализируются причины, сделавшие эти отношения такими – как и то, почему они **не** переросли в настоящую дружбу:

Я не спешил бунтовать против его покровительства, не рвался доказывать, что к сорока четырём годам уж какой отпился, такой отпился. Но – не может быть подлинной дружбы без хотя бы признаваемого равенства. А. Т. преувеличивал соотношение наших кругозоров, целей, и жизненного опыта. Важнейшей частью своего опыта он считал хорошее знание иерархии, ходов заседательских, телефонных и закулисных. Но он преувеличивал охватность и долготу всей этой системы. Он не допускал, что эту систему можно не признать с порога. Он не допускал, что в литературе или политике я могу разглядеть или знать такое, чего не видит или не знает он.

У него была расположенность к покровительству молодым, не было способности объединяться с равными.

Со мной пережил он вспышку новой надежды, что вот нашёл себе друга. Но я не заблуждался в этом. Я полюбил и его мужицкий корень; и проступы его поэтической детскости, плохо защищённой вельможными навыками; и то особенное природное достоинство, которое проявлялось у него перед врагами, иногда – перед вышестоявшими (в лицо, – а по телефону чаще терялся), и оберегало его от смешных или ничтожных положений. Но слишком несхожи были прошлое моё и его, и слишком разное мы вывели оттуда. Ни разу и никогда я не мог быть с ним так откровенен и прост, как с десятками людей, отменённых лагерной сенью. Ещё характеры наши как-то могли бы обталкиваться, обтираться, приновляться – но не бывает дружбы мужской без сходства представлений, без зоркости и внимательности к другому.

Вероятно, еще одним следствием установок на «молчаливое взаимопонимание» является то, что А.И. Солженицын никогда **не говорит**

плохо ни о ком из своих соратников / помощников, – хотя не мог не замечать, что далеко не все из них «идеальны», не мог не знать многих их неприглядных поступков и черт характера (за пределами их отношений с А.И. Солженицыным), что о них говорят другие люди.

Это, например, А.С. Берзер, впоследствии получившая немало гневных, уничижительных характеристик со стороны своих бывших коллег (В.Я. Лакшин называл ее «новомирской интриганкой»):

с Берзер <...> мы быстро и тепло сдружались

Твардовский <...> редко её принимал и несправедливо не любил (то ли не оценивал её художественного вкуса, трудолюбия и отдачи всей себя интересам журнала, то ли ревновал к авторам, которые все с ней дружили и постоянно толклись в отделе прозы).

трудолюбивая Берзер, вернейшая лошадка «Н. Мира», которая тянула без зазора.

Юрий Штейн (брат первой жены) в мемуарах Солженицына упоминается мимоходом, но всегда как *друг и соратник* (а это, как мы говорили, лучшие человеческие характеристики в оценке Солженицына); в оценках других людей Юрий Штейн нередко выступает как ничтожный «прихлебатель».

Приведем в этой связи рассказ В. Войновича об «общении» с Солженицыным, кончившемся разрывом отношений. Предмет спора касался конфликта Войновича с парижским издательством «ИМКА-пресс»: Войнович грозил судом редактору издательства Никите Струве, который был издателем и другом Солженицына:

И вдруг звонит мне в Германию Юрий Штейн. <...>

– Слушай, я тут был у Исаича в Вермонте, а к нему как раз приехал Струве и жаловался на тебя, что ты собираешься подать на него в суд. Так вот Исаич просил меня передать тебе его мнение. Он мне его продиктовал и хочет, чтобы ты его записал. У тебя карандаш и бумага есть? Записывай.

Я сказал: "записываю", хотя делать этого не собирался. О чем потом пожалел. Все-таки документ следовало бы сохранить в подлинном виде. Но я не записал и воспроизвожу по памяти. Послание никакого обращения не содержало. Ни имени-отчества, ни просто имени и уж, конечно, принятого эпитета вроде "дорогой" или "уважаемый", а начиналось прямо со слова "стыдно". "Стыдно русскому писателю судиться с издателем из-за гоноров". И что-то еще в этом духе, кратко, грубо и выразительно.

<...> Если я и рассердился, то в первую очередь на себя. Какой бы Солженицын ни был хам, он ведь не с каждым позволяет себе так обращаться. Неужели я дал ему повод думать, что со мной можно и так? Еще ведь и потому позволяет, что я вроде бы как свой.

Я, как мне кажется, человек тихий, вежливый, держусь скромно, производя на некото-

рых людей ошибочное впечатление. Но ведь и я, хотя в лагере не сидел, прошел школу жизни, где "феня" к иностранным языкам не относится.

– А у тебя есть бумага и карандаш? – спросил я вкрадчиво Штейна.

– Есть! – отозвался он по-военному.

– Тогда запиши мой ответ. Приготовился?

– Приготовился.

– Пиши...

Мой ответ был тоже кратким и очень невежливым. Меня потом некоторые люди спрашивали, как же это я посмел? А вот так и посмел. Не ответить на такое обращение, ничем его не заслужив, я не мог, а другого ответа адресат бы не понял (В. Войнович. Портрет на фоне мифа).

Опуская конкретные позиции Солженицына, Войновича и Струве, остановимся на роли Ю. Штейна в этой ситуации: как видим, с точки зрения Войновича она ничтожна и только повредила Солженицыну. Вот что об этом конфликте пишет сам Солженицын:

Перед ним (Войновичем – В.Д.) я, сверх того что существую, провинился тем, что как-то, на неуверенном старте его западной жизни, передал через друзей (выделено мною – В.Д.) непрошенный совет: не пользоваться судом для решения его денежных претензий к эмигрантскому издательству, поладить как-нибудь без суда; он буквально взорвался, ответил бранью.

Есть все основания полагать, что А.И. Солженицын и другим людям передавал такие же «советы» – и тоже через Ю. Штейна, который, вероятно, вел себя с ними так же. Мог ли Солженицын не понимать, что обижает людей, – как и то, что его репутации вредят такие люди, как Штайн? Но, по-видимому, и тут Солженицын «всё прощает за личную преданность себе».

Самые хвалебные характеристики Солженицын дает И. Шафаревичу – за *русскую боль*. В изображении же других людей Шафаревич – человек далеко не достойный (В. Войнович, например, называет его «зоологическим антисемитом»).

Возвращаясь к типу дружеского общения в мемуарах Солженицына, отметим, что писатель не только обладал многочисленными речевыми знаниями и умениями (коммуникативной компетенцией), соотносимыми с данным типом (что видно из художественных произведений Солженицына, в которых данный тип общения описан), но и видел в нем средство для достижения некоторых поставленных целей. Солженицын не раз демонстрирует, что замечательно умеет придавать своему поведению черты дружеского, когда у этого есть, с его точки зрения, необходимость (например, морально поддержать какого-то важного человека, склонить его к принятию правильного решения):

Наша встреча была 16 марта. Я вошёл весёлый, очень жизнерадостный, он встретил

меня подавленный, неуверенный. <...> Мой путь уже был втайне определён, я шёл на свой рок, и с поднятым духом. Видя подавленность А. Т., мне хотелось подбодрить и его. <...> я старался теперь перенастроить А. Т.: что снятие из ЦК и Верховсовета было для него не общественным падением, а высвобождением, что таким образом положение его и журнала всё более приближаются к пушкинским: вы – свободный поэт, ведущий независимый журнал. <...> Итак, хотя 8 месяцев мы не виделись и были как бы в разрыве, и в начале он меня встретил с обиженностью, и была взаимная боязнь новой обиды, боязнь неловко коснуться, – теперь свободно потёк разговор, интересный для него и для меня: моя цель всегда была, чтоб они хоть добровольный-то намордник сняли.

Создание лаконичных, но при этом ярких, запоминающихся портретов людей относится к часто отмечаемым особенностям Солженицына-художника. В его мемуарах при создании портретов людей реальных, по большей части известных обращает на себя внимание сочетание обычно нескольких самых общих нравственных характеристик с несколькими как будто случайными, но чрезвычайно яркими внешними характеристиками (здесь частотны метафоры и языковая игра: свинокартонка Прокофьев, жердяй и заика Михалков, недобрая пиковая дама Серебрякова, собутыльник Твардовского, мутный Сац, ископаемый марксист-догматик Лифшиц, лысый, (но!) изворотливый, бесстыдный и осмотрительный Поздняев). Очень важно при этом, что и нравственные характеристики человека (как это в целом свойственно русскому коммуникативному поведению, в котором отмечаются повышенное внимание к нравственным вопросам, склонность к нравственным оценкам – см., например [Вежбицкая 2002; Орлова 2005]), и внешние характеристики его поведения имеют очень существенное коммуникативное измерение. В результате художественный портрет в мемуарах Солженицына является практически всегда и ярким р е ч е в ы м портретом:

Распалённым яростным кабаном выглядел Дементьев к концу своего монолога, и положить бы сейчас перед ним полтора страница моей повести – он бы, кажется, клыками их разметал.

...А. Кондратовичу – маленькому, как бы с ушами настороженными и вынюхивающим носом, дёрганному и запуганному цензурой. <...> Лицо Кондратовича как бы приспособлено к убеждённому выражению уже имеющегося, уже названного мнения.

Так же строятся и портреты положительных «героев» мемуаров А.И. Солженицына, где отмечаются, с одной стороны, внутреннее достоинство, искренность, открытость, с другой – внешнее обаяние:

Сахаров –

С первого вида и первых же слов он производит обаятельное впечатление: высокий

рост, совершенная открытость, светлая мягкая улыбка, светлый взгляд, тёпло-горланый голос и значительное грассирование, к которому потом привыкаешь. <...> Я был, наверно, недостаточно вежлив и излишне настойчив в критике, хотя сообразил это уже потом: не благодарил, не поздравлял, а всё критиковал, опровергал, оспаривал его мемурандум, да ещё без хорошо подготовленной системы, увы, как-то не сообразил, что она понадобится. И именно вот в этой моей дурной двухчасовой критике он меня и покори! – он ни в чем не обиделся, хотя поводы были, он ненастойчиво возражал, объяснял, слабо-растерянно улыбался, – а не обиделся ни разу, нисколько – признак большой, щедрой души.

Твардовский –

Он был крупный, кругом широкий <...> Твардовский соответственно моменту держался с достойной церемонностью, однако и сквозь неё сразу поразило меня детское выражение его лица – откровенное детское, даже беззащитно-детское, ничуть кажется не испорченное долголетним пребыванием в высоких слоях и даже обласканностью тронем. <...> Я полюбил и его мужицкий корень; и проступы его поэтической детскости, плохо защищённой вельможными навыками; и то особенное природное достоинство, которое проявлялось у него перед врагами, иногда – перед вышеставленными (в лицо, – а по телефону чаще терялся), и оберегало его от смешных или ничтожных положений.

Шафаревич –

Глыбность, основательность этого человека не только в фигуре, но и во всём жизненном образе, заметны были сразу, располагали. <...> А ещё Шафаревичу прирождена самая жильная, плотная, нутряная связь с русской землёй и русской историей. <...> Шафаревич, всегда такой сдержанный, избегающий выразить чувство с силою, не показалось бы оно чрезмерным, ответил, весь вытягиваемый изнутри, как рыба вытягивает внутренности крючком:

– Да невозможно жить не в России!

Так выдохнул «невозможно» – будто уж ни воздуха, ни воды там не будет.

Иногда А.И. Солженицын отмечает, что первое впечатление оказывалось ошибочным: (как и у Пушкина) безнравственные люди могут имитировать дружеское общение:

Дементьев –

подкатился и ещё один, тоже крупный и тоже кругом широкий, да просто-таки симпатяга, еле сдерживающий своё добродушие. Этот второй оказался Дементьев. <...> Он никогда не бывал пусто-чванен, надут, и это облегчало существование ему самому и членам редакции. К нему не боязно было обратиться любому редактору, ничто тут не зависело, как у Твардовского, от дурного или милостивого настроения. Дементьев всегда был настроен делово, живо выхватывал суть,

и какую статью или абзац можно было посоветовать протолкнуть, – набросив ширмочку, переставив слова – пособлял непременно. Он не безразличен был, как Закс, к тому, какой получится журнальный номер, он способствовал, чтоб журнал был и посвежей, и посочней и даже поострей – но всё в рамках **разумного!**

Лебедев –

невысокий, очень интеллигентный, простой и во взгляде и в обращении человек <...> Меня поразила его непохожесть на партийных деятелей, его безусловная тихая интеллигентность (он был в безобразных очках, только стёкла и поблескивали, оставалось впечатление как от пенсне). Может быть потому, что он был – главный благодетель и смотрел ласково, я его и охватил таким...

Но такое впечатление сохраняется недолго:

Я долго у него просидел, рассматривал – и всё более незначительным, ничем не отмеченным казался мне он. Невозможно было представить, чтоб в этой гладенькой головке была не то чтобы своя политическая программа, но отдельная мысль, отменная от партийной. Просто накал скороды после XXII съезда был таков...

Вполне естественно, что такая фальшь проявляется, прежде всего, в поведении представителей «Советской власти» – партийных функционеров, чиновников из Союза писателей, носителей революционной риторики и идеологии.

Как уже говорилось, именно революционно-интернациональной идеологии Солженицын приписывает фактически все недостатки, соотносимые с правым членом оппозиции [P] ~ [-P].

Интересно, что «светское» содержание, в общеязыковой картине включаемое в правый член оппозиции [P] ~ [-P], у Солженицына также противопоставлено революционному / советскому содержанию. Так, Солженицын изображает встречу в Секретариате Союза писателей, сатирически разоблачая «светские» претензии секретарей Маркова и Воронкова:

*Начался **гостиный разговор**: о том, что это – дом Ростовых и как его берегут; и как графиня Олсуфьева, приехав из заграницы, просила его осмотреть (со смаком **выговаривал Воронков «графиню», представляю, как он перед ней вертелся – и как бы ту графиню пошёл расстреливать в 17-м**); и что за тканые портреты Толстого (18 миллионов петель), Пушкина и Горького украшают стены этого полузала. От моей спины до окна, открытого в знойный неподвижный день, было метров шесть. **Но сохранение моей драгоценной жизни так волновало Воронкова, что вкрадчиво он осведомился, не дует ли мне, а то у них «коварная комната».***

Фальшь революционно-интернациональной идеологии, соотносимой у Солженицына с правым членом оппозиции [P] ~ [-P], таким обра-

зом, оказывается и сильнее, и опаснее традиционной (для прошлых эпох) светской фальши русской культуры: фальшивым является даже светское поведение представителей Советской власти!

Главную культурно-историческую, нравственно-этическую и эстетическую ценность для А.И. Солженицына составляла русская народная культура; в воспевании ее лучших достижений и наиболее достойных представителей и обличении всего, что враждебно ей, разрушает и губит ее (прежде всего революционно-интернационального движения), состоял главный пафос творчества Солженицына. Одной из важных составляющих русской традиционной культуры у Солженицына выступает русская традиционная коммуникация, куда им включаются и традиции *задушевного* общения, и *светского* общения – как неотъемлемой принадлежности «прошлой» России.

Проведенное исследование позволяет говорить об актуальности для А.И. Солженицына коммуникативной категории русской персональности, оппозиции [P] ~ [-P]. Однако данная общекультурная и общеязыковая оппозиция существенно переосмысливается Солженицыным: в его творчестве (в том числе – мемуарах) она предстает как в большей степени культурно-политическая оппозиция и в меньшей – коммуникативная. В контексте всего творчества А.И. Солженицына данная оппозиция понимается не как противопоставление «дружеского круга» и «светского круга» (как, например, у А.С. Пушкина), а как базовая нравственно-оценочная оппозиция «народного ~ революционного».

Анализ мемуаров А.И. Солженицына (как и ряда опубликованных текстов воспоминаний о нем, написанных разными людьми) приводит к выводу, что он мало подвергает оценке с точки зрения оценочной шкалы [P] ~ [-P] (как и с точки зрения других нравственно-оценочных шкал) свою собственную коммуникацию. Солженицын считал делом, «главной целью» своей жизни написание всей *правды* о трагической русской истории XX века, и для более успешного выполнения этой цели считал допустимым значительно отступать от тех норм и требований, которые предъявляются к поведению и речи человека в соответствии с названными оценочными шкалами (в том числе от норм, которые могут быть реконструированы на основе художественных текстов самого Солженицына). Судя по мемуарам, в жизни, а не в художественных текстах Солженицын как бы освобождает себя от обязанностей следовать нормам «лучших» традиционных русских типов общения (*задушевного* общения и *светского* общения) и требований, ими предъявляемых, во имя возрождения России и традиционной русской культуры (а следовательно, как ни парадоксально, – во имя возрождения лучших традиционных форм общения).

Солженицын «прощает» это и своим соратникам (или просто людям, помогающим ему), практически никогда не осуждает их за отступление от норм – и обычно не фиксирует это отступление.

В общей этической оценке людей критерии, которые могут быть реконструированы по художественным текстам Солженицына, и оценки, даваемые самим Солженицыным реальным людям в его мемуарах, меньше расходятся: главным критерием, по которому люди оцениваются однозначно положительно (и им прощаются «мелкие» отступления от других норм социального поведения), для Солженицына является *русская боль*; сюда же следует отнести такие общечеловеческие и общехристианские качества, как честность, справедливость, способность чувствовать чужую боль, мужество (особенно гражданское), отказ от личной выгоды. Отсутствие *русской боли* (действительное или мнимое) всегда является непреодолимым препятствием, не позволяющим Солженицыну по-настоящему сблизиться с человеком, даже если в остальном этот человек заслуживает очень большого уважения Солженицына.

Не прощается, прежде всего, сознательное служение социалистическому строю, революционно-интернациональной идеологии. Причинами, толкающими людей на такой путь, по Солженицыну, не может быть искренняя вера в идеалы социализма, а только корыстолюбие, властолюбие, честолюбие или страх, побуждающие людей *участвовать во лжи*.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев А.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика. – М., 2008.

Вежицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. № 2 (4). – М., 2002.

Виноградов И. Еще о Солженицыне, «национальной идее» и «особом» русском пути. URL: http://solzhenitsyn.ru/modules/sections/index_op_viewarticle_artid_249.html

Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. Вып. 16.

Дементьев В.В. Об одной оценочной системе в русском языке // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2007. Вып. 7.

Дементьев В.В. Теория речевых жанров. – М., 2010а.

Дементьев В.В. Коммуникативные ценности в зеркале медиа: «задушевность» vs. «светскость» vs. «гламурность» в современной русской прессе // Stylistyka XIX. 2010. – Opole, 2010b.

Дементьев В.В., Фенина В.В. Когнитивная генерика: внутрикультурные речевые ценности // Жанры речи. – Саратов, 2005. Вып. 4. Жанр и концепт.

Жанры речи. – Саратов, 1997-2009. Вып. 1-6.

Интеллигенция – власть – народ: Антология. – М., 1992.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.

Кожевникова Кв. Спонтанная устная речь в эпической прозе (на материале современной русской художественной литературы). – Praha: Universita Karlova, 1970.

Лакшин В.Я. Солженицын и колесо истории. – М.: Вече, 2008.

Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М., 2009.

Лосев Л. Солженицын и Бродский как соседи // Звезда. 2000. № 5.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб., 1994.

Между двумя юбилеями (1998-2003): Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына: Альманах [Сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин]. – М.: Русский путь, 2005.

Невинская М.Д. Концептуальная оппозиция «народ – власть» в политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2006.

Орлова Н.В. Наивная этика: лингвистические модели (на материале современного русского языка). – Омск, 2005.

Полищук Г.Г., Сиротинина О.Б. Разговорная речь и художественный диалог // Лингвистика и поэтика. – М., 1979.

Русская разговорная речь. – М., 1973.

Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М., 1983.

Седов К.Ф. Портреты языковых личностей в аспекте их становления (принципы классификации и условия формирования) // Вопросы стилистики. – Саратов, 1999. Вып. 28.

Седов К.Ф. Жанры «праздноречевой» коммуникации: болтовня, светская беседа, разговор по душам // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2006. Вып. 6.

Слово пробивает себе дорогу: Сборник статей и документов об А.И. Солженицыне. 1962-1974 [Сост.: В. Глоцер, Е. Чуковская. Вступ. ст. Л. Чуковской]. – М.: Русский путь, 1998.

Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. – М., 2005.

Народ и интеллигенция [сост. П.В. Тулаев]. – М., 1990.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика. – М., 2006.

Шешунова С.В. Движение огненного колеса (А.И. Солженицын и Дж.Р.П. Толкиен) // Логический анализ языка. Языки динамического мира. – М., 1999.

Leech G.N. Principles of Pragmatics. – L.; N.Y., 1983.

© Дементьев В.В., 2010